

— Лу Синчжоу, я проголодался.

Се Чжинянь напоминал просроченное лекарство, чьи токсины были порождены самим временем.

Лицо Лу Синчжоу застыло в ледяном равнодушии. Он лежал, уткнувшись головой в землю, не в силах вымолвить ни слова, но гнев, пылавший в груди, словно угас, стоило ему увидеть слезы Се Чжиняня. Острый клинок, пронзивший сердце Лу Синчжоу, казался не таким болезненным, как этот взгляд. Он подался вперед и коснулся губами его лица, слизывая слезы.

Слишком больно.

Сердце разрывалось.

Лу Синчжоу закрыл глаза, невольно погружаясь в водоворот воспоминаний, где разочарование в Се Чжиняне пропитало его до мозга костей.

Три года назад кампус был залит кровью. Холодный лунный свет напоминал температуру тела мертвеца. Лу Синчжоу шел по коридору, сжимая в руке кинжал, в окружении нескольких эвольверов.

— Синчжоу, ты не ранен? Ты перебил столько зомби в школе, что у нас, людей, не видевших настоящего боя, просто нет слов, — один из членов отряда поклонился, выражая глубочайшее восхищение. — Благодаря тебе мы остались живы.

— Если бы не ты, мы бы точно здесь лежали, не выбравшись наружу.

Остальные согласно закивали. Ветер и мороз покрыли их одежду слоем пыли.

— Не стоит благодарности.

Лу Синчжоу перемахнул через стену и спрыгнул вниз. Он ухватился за чью-то руку, чтобы устоять на ногах, подавил в себе энергию и слегка улыбнулся, а затем с грустью посмотрел на залитый кровью кампус позади:

— Это сущий пустяк. Мы все однокурсники, должны помогать друг другу.

— Ты слишком скромн. Если бы не ты, нас бы уже не было в живых.

Член отряда с благодарностью положил руку на плечо Лу Синчжоу, но, заметив в его руке нефритовую подвеску, нахмурился:

— Нефритовая подвеска?

— Значит, вот зачем ты рванулся в класс 2-3? А я думал, ты за своими учебниками. Эта подвеска выглядит знакомо, кажется, она принадлежит второму молодому господину из семьи Сун.

Члены отряда вежливо поинтересовались, их взгляды на мгновение задержались на блеске камня, в котором таилась глубокая тоска.

— Чжинянь любит нефрит.

Лу Синчжоу кивнул. Он стирал кровь с пальцев — случайно порезался, когда отодвигал стол, и не хотел, чтобы подвеска испачкалась:

— Он носил её с самого рождения, дедушка лично вымолил этот нефрит в храме. Если она потеряется, он наверняка будет плакать несколько дней.

— Я нашел её по пути.

Сказав это, он добавил с легким сомнением:

— Боюсь, она испачкалась в крови, это дурной знак. Вернемся на базу, я помою её водой.

— Как же ты добр к нему. В наше время даже глоток воды — роскошь.

Член отряда позавидовал такой привязанности. Ему самому вода давалась с трудом — её стоимость измерялась восемью зомби. Он не удержался от комментария:

— Раз эта вещь так дорога второму господину Суну, раз он носит её с рождения, почему же он сам не берег её как зеницу ока? Такие вещи должны быть всегда при себе. Почему она оказалась в классе?

Окружающие эвольверы переглянулись с презрением. В школе о Се Чжиняне ходили дурные слухи: говорили, он настоящий бабник, который крутит всеми подряд, не любит никого, но заставляет покупать ему подарки. Если спросить их в частном порядке, они бы точно сплетничали, но в присутствии Лу Синчжоу молчали.

На базе все знали: Лу Синчжоу завел себе обузу.

Пока выжившие на базе выполняли задания, чтобы заработать на жизнь, подопечный Лу Синчжоу только и делал, что лежал в постели.

Болит рука.

Болит нога.

Болит всё на свете.

Эти нелепые отговорки были шиты белыми нитками, но Лу Синчжоу, казалось, ничего не видел. Он лишь мягко улыбался:

— Чжинянь сказал, что монстры напали слишком внезапно, он не успел среагировать. Один зомби окружил его в комнате, и он, не желая выбрасывать кольцо лучника, которое я ему подарил, бросил эту подвеску, чтобы отвлечь тварь и встретиться со мной. Если бы не этот нефрит, я бы его не нашел.

Сладкая улыбка Лу Синчжоу вызвала у знающих людей озноб.

Он до сих пор радуется, что Се Чжинянь не потерял их парное кольцо?

Ему наставляют рога, а он и не подозревает.

Член отряда почесал голову:

— Вот оно что. А я-то думал, он просто капризничает, как богатый сынок, и нарочно изводит тебя. Ведь ты столько от него натерпелся. Говорят, раньше он заставлял тебя списывать за него, это правда? То одно, то другое: принеси конфет, принеси того, принеси сего.

Лу Синчжоу нахмурился:

— Нянь-нянь не такой. Я вырос вместе с ним, он очень добрый человек.

Лу Синчжоу хотел добавить, что Се Чжинянь даже муравья не раздавит, но вовремя прикусил язык — ему казалось, что другие не достойны знать о доброте Се Чжиняня, ведь тот был слишком прекрасен. Он бережно спрятал подвеску в сумку. На нем лежала ответственность за юношу и поиск семьи, поэтому он, не медля ни секунды, перевязал порез на пальце и попрощался:

— Время позднее. Мне пора возвращаться, после заката станет опасно.

— Верно, уже за шесть.

Другой эвольвер посмотрел на небо — определять время по солнцу было его лучшим навыком.

— Здесь всё равно больше нечего искать. Возвращайся к господину Суну, мы тебя подменим.

Утром, когда я уходил на задание, слышал, что второй господин Сун заболел.

В конце концов, это человеческая жизнь. Хотя члены отряда и презирали Се Чжиняня за то, что тот живет за чужой счет, это не мешало ему оставаться зеницей ока для Лу Синчжоу.

— Тогда берегите себя, я пошел.

Лу Синчжоу немного помедлил и поспешил обратно на базу.

— И тебе удачи на дороге.

Оставшиеся эвольверы проводили его взглядами, взяли снаряжение и, едва скрывшись в лесу, тут же изменились в лицах:

— Как такой выдающийся человек, как командир Лу, мог связаться с таким лентяем? Он пылинки с него сдувает, даже по хозяйству всё делает сам. В их доме всё перевернуто с ног на голову.

Они завидовали и одновременно злились:

— Видимо, такова его воля. Се Чжинянь в прошлой жизни, должно быть, совершил великое благо, раз встретил Лу Синчжоу. Другой бы на его месте давно вышвырнул его. А Се Чжинянь такой красивый, без Лу Синчжоу ему бы не поздоровилось. По мне, если бы не этот Се Чжинянь, Лу Синчжоу уже давно жил бы на базе среднего класса, а не ютился с нами в районе для бедняков.

— Много слов — много печали. Не нам лезть в чужую жизнь, пусть живут как знают.

Группа растворилась в лесу, не оставив и следа.

Лу Синчжоу бежал сквозь деревья, направляясь в распределительный район для бедняков. Скучный свет уличных фонарей падал на подоконник. Он открыл дверь старым ключом. В комнате была лишь одна циновка — очень бедно.

— Нянь-нянь, я вернулся, закончил пораньше.

Он хотел сообщить, что задание выполнено, но увидел, как на циновке лежит юноша, весь красный от жара. На полу валялись остатки еды, опрокинутые кастрюли и тазы.

— Ты простудился?

Лу Синчжоу почувствовал, как сердце сжалось от боли. В мрачной комнате не было ни намека на жизнь. Он помедлил, затем бережно приподнял ослабевшего Се Чжиняня. Щеки юноши ввалились, на белоснежных руках вздулись болезненные волдыри.

— Как ты умудрился так себя довести?

За четыре дня задания он ни на минуту не находил себе покоя. Лу Синчжоу боялся, что случится худшее — условия здесь были куда хуже, чем в той вилле, где они жили раньше, стены были покрыты сыростью.

Се Чжинянь мутно открыл глаза, от боли белки глаз казались почти белыми:

— Я хотел приготовить еду, но не справился с газовой плитой.

— Почему ты не воспользовался продуктовыми талонами, что я оставил?

Лу Синчжоу с трудом отвел взгляд от рук юноши. В его голосе не было упрека, лишь дрожь. Он молча принялся обрабатывать раны Се Чжиняня бинтом:

— Я же просил тебя, тебе не нужно делать это самой.

Он специально наказывал ему беречь себя, ведь риск того не стоил.

— Ты так тяжело работаешь на заданиях, как я могу спокойно тратить твои запасы? — Се Чжинянь покачал головой. — Я хотел сделать что-то для тебя, не хочу сидеть у тебя на шее.

— Не слушай, что говорят другие, их слова ничего не стоят.

Лу Синчжоу вспомнил гордость юноши. Он был не так уж наивен и по лицам членов отряда догадывался о многом. Он использовал ледяную способность, чтобы заморозить страшные ожоги, и с болью в сердце сказал:

— Потерпи немного, я отнесу тебя к врачу.

Раны Се Чжиняня были куда серьезнее тех, что были у него на руках. Лу Синчжоу был готов рвать и метать, в его глазах вспыхнул алый блеск:

— Тебе не нужно обращать на них внимания. И вообще, какое им дело до нас? Почему тебя так волнует их мнение?

После начала апокалипсиса Се Чжинянь стал еще более чувствительным и даже начал

отказываться от подарков, которые приносил Лу Синчжоу.

— Потому что я не хочу, чтобы другие смотрели на меня свысока, — Се Чжинянь слабо кашлянул, его руки горели, а лицо выражало страх. — База только строится, а я снова создаю тебе проблемы. Когда мы её основывали, я и так был обузой, не хочу, чтобы ты тратился на меня еще больше.

У Лу Синчжоу сердце обливалось кровью. Он стиснул зубы, подхватил Се Чжиняня на руки и прервал его самобичевание:

— Почему ты так отстраняешься от меня? Мое — значит твое. Если я зарабатываю, то для кого, как не для тебя? Кто посмел так сказать? Я проучу его.

Се Чжинянь инстинктивно обвил шею Лу Синчжоу. Его хрупкость была беззащитной, а в глазах читалась глубокая неуверенность:

— Я ведь даже не эвольвер. И так чувствую себя под давлением, оставаясь рядом с тобой. Ты хочешь, чтобы мне стало еще тяжелее? Что люди скажут обо мне?

Лу Синчжоу опешил, не ожидая такого от Се Чжиняня. Тот продолжал торопливо:

— Хочешь, чтобы они называли меня лентяем и безответственным? В каких мы вообще отношениях? О чем ты думал, когда предлагал мне то, что предлагал?

— Я еще не решил.

Уши Лу Синчжоу покраснели. Он был так занят заданиями, что не замечал, как страдает Се Чжинянь. Он вырос в заботе, в медовом коконе, и Лу Синчжоу не позволял себе даже голос на него повесить. Как он мог позволить другим причинить ему вред?

— Тогда опусти меня, — Се Чжинянь увидел, что Лу Синчжоу молчит, и в его глазах мелькнул гнев. Дыхание стало прерывистым, а суровость тут же испарилась. — Я не пойду к врачу. Справлюсь сам, так будет лучше. Правда.

Это звучало так безнадежно и в то же время жалко.

— Прости, я не подумал о твоих чувствах, — Лу Синчжоу до побеления сжал кулаки, в носу зашипало. Он словно чувствовал, как сильно юноша недоволен им, и его руки невольно опустились. — За эти полмесяца ты натерпелся.

Лу Синчжоу видел смерть, видел кровь, видел разницу между живым и мертвым. Убить человека для него было легко, но разве это то, чего он хотел? Он опустил Се Чжиняня на пол:

— Но если кто-то действительно тебя обижает, назови мне имена. Я разберусь с каждым.

— Никто меня не обижает, и я не чувствую себя ущемленным, — Се Чжинянь опустил глаза. Его руки безвольно лежали на полу, он казался разочарованным в самом себе до предела. — Они правы. Я действительно живу за твой счет. Какой смысл наказывать людей за правду? Мы всего лишь друзья. Ты сказал, что еще не решил, так какое отношение мои дела имеют к тебе?

— Это не так.

Лу Синчжоу коснулся пальцами ладони юноши, видя его душевную боль. Подвеска в сумке словно жгла его.

— Я не избегал тебя специально, правда. Эти полмесяца я пропадал на заданиях не потому, что разлюбил, а потому что всё случилось слишком быстро. Я чувствовал, что недостаточно силен, чтобы защитить тебя, что это было бы несправедливо по отношению к тебе.

Признание Се Чжиняня два месяца назад казалось Лу Синчжоу чем-то нереальным, а апокалипсис стал шипом в его сердце. Он должен был стать сильнее, взойти на вершину, чтобы встретиться с ним. Тот, кто находится под защитой короля, в полной безопасности, а он не мог позволить себе дать Се Чжиняню плохую жизнь.

— И что теперь?

Се Чжинянь отбросил хрупкость. Он жаждал завершить начатое, его обожженные губы дрожали, а в голосе сквозил холод:

— Ты хочешь бросить меня? Боишься, что я буду страдать, поэтому прячешься? Я не понимаю, ты согласен или нет? Я тебе противен?

Лицо Лу Синчжоу вспыхнуло:

— Что? Я противен тебе?

— Наши отношения.

Тон Се Чжиняня был слишком вызывающим. Он словно искал защиты, его губы дрожали от холода:

— Я не уверен, что мы были эти три года. Парень или просто партнеры? Ты не прояснил наши отношения, и если ты был со мной только ради новизны, как я и сказал...

За три года их невятной взаимопомощи Лу Синчжоу привык к его скрытым намекам. Холод на тыльной стороне ладони сменился жаром, исходящим от лба юноши, в глазах которого горел огонь.

— Если только я один вложился в это, а ты не согласен, я не виню тебя. Просто давай не будем жить вместе. Я не хочу быть тебе должным, и тебе не нужно меня содержать, — ресницы Се Чжиняня дрожали. В полумраке комнаты он выглядел подавленным и, не дождавшись ответа, опустил голову. — Я проголодался. После того как поем, я уйду на задание.

Приготовить прощальный ужин и уйти.

Юноша не будет жить с ним? С кем же тогда?

Лу Синчжоу прекрасно помнил слова признания. Раз он сказал, что вложился в отношения, значит ли это, что он влюбился? Это не просто жажда новизны, а настоящая привязанность?

Лу Синчжоу, тайно любивший его тринадцать лет, заговорил прерывисто, пытаясь высказать всё, что было на сердце:

— Нет, на самом деле я понял это очень давно.

— Я голоден.

Се Чжинянь от голода почти терял сознание, падая на пол:

— Тебе не нужно ничего говорить. Я хочу поесть. Если хочешь отказать, скажи это, когда я приду в себя, иначе я буду считать это своим кошмаром.

В тусклом свете были видны красные волдыри на обожженных руках Се Чжиняня. Лу Синчжоу снова спросил:

— Тебе всё ещё плохо?

Се Чжинянь кивнул:

— Немного.

Лу Синчжоу провел пальцем по лицу Се Чжиняня — температура была в норме, он был в сознании. Се Чжинянь сказал это вполне осознанно. Он скользнул пальцами по его щеке, коснулся выступающего кадыка и тихо произнес:

— Я не соглашался, потому что считал, что это несправедливо по отношению к тебе. У тебя не было выбора. На самом деле я выбрал тебя еще в детстве. В этой жизни, кроме тебя, мне никто не нужен.

Он сжал пальцы, подавляя в себе невыразимое чувство.

— Ты действительно уверен, что это я? — Се Чжинянь был разочарован, его губы сжались. На белоснежных щеках проступил легкий румянец. — С детства?

— Ты помнишь, как мы встретились на заводе? Ты тогда держал меня за руку, прислонившись к моему плечу, и просил не терять сознание.

Лу Синчжоу передал ему энергию, комната озарилась огненным светом. Он наклонился и поцеловал его:

— Именно потому, что в детстве был ты, я хочу быть с тобой и сейчас.

Се Чжинянь опустил глаза:

— Правда?

— Да.

Поцелуй был легким, как касание крыльев бабочки. Лу Синчжоу не владел техникой, он лишь исследовал путь, неуклюже касаясь языка Се Чжиняня. Впервые он открыл глаза так близко к нему. Боль, которую они пережили, сделала всё до боли знакомым, и он невольно ослабил хватку.

Он чувствовал тепло его тела, а в полуулыбке юноши скрывалась тень недовольства.

— Ты действительно всё обдумал? Я люблю тебя, я принимаю твое признание. Я ждал твоего появления с самого детства.

Лу Синчжоу смотрел в глаза Се Чжиняня, в которых плескалась вода. Неизвестно почему, но во время поцелуя юноша вспыхнул гневом.

— Тебе больно?

Лу Синчжоу без защиты прижался к углу стены, в его руках была рана юноши:

— Не отталкивай мою руку, лед перестанет действовать.

Способности Лу Синчжоу не были совершенны, на расстоянии он мог навредить Се Чжиняню, поэтому он лишь держал его за руку, чтобы охладить ожоги.

— Прости, я укусил тебя, был слишком нетерпелив.

— Нет.

Се Чжинянь не показал, какие именно слова его задели. Его губы были в крови, короткие волосы растрепаны, а взгляд был спокоен:

— Сначала приготовь поесть.

— Я принес тебе кое-что.

Лу Синчжоу вытер кровь с уголка рта юноши, коря себя за поспешность, и достал из сумки важную вещь. Его улыбка была полна раскаяния и мольбы:

— Разве ты не искал эту подвеску? Я нашел её для тебя.

Он искренне раскрыл ладонь, на которой лежал нефрит:

— Давай обменяемся символами верности. В будущем, с этой подвеской, ты возьмешь меня в мужа.

Как известно, есть два пути: взять в мужа или выйти замуж. Зять, пришедший в дом, всегда будет в проигрыше, а муж, живущий у жены, будет терпеть притеснения. Се Чжинянь взял подвеску:

— Ты ранен.

Лу Синчжоу не обратил на это внимания:

— Заживет.

Теплая рука обвила гибкую талию Лу Синчжоу. Тот слышал, как урчит в животе, но его контролирующая натура, глубоко укоренившаяся в костях, взяла верх в постели. Длинные пальцы юноши скользнули к бедрам, а тонкие губы прошептали слова любви:

— Лу Синчжоу.

Словно боясь, что он исчезнет:

— Давай сделаем это.

— Здесь?

Лу Синчжоу оглядел мрачную комнату. Юноша не принадлежал этому месту, он испачкается.

— После того как поедим.

Се Чжинянь кивнул. Его тело дрожало, он терся о кольцо лучника на пальце:

— Кажется, мне нечем тебя удержать. Если я сделаю тебя счастливым, это ведь тоже считается?

<http://bllate.org/book/20367/2037375>